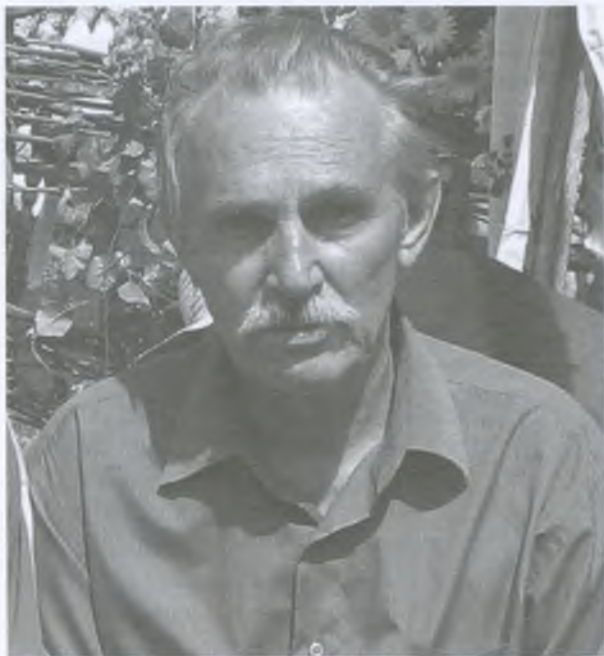

МИХАИЛ ТУРБИН

ЛЕТУНЫ

сетку. Тут бы и надо Федьке тянуть шест, но прозевал момент, и петля затянулась не на горле кота, а на брюхе. Пришлось, этот яростный комок на проволоке, хлопнуть об фундамент дома. Всё, - отбезобразничал!

Об убийстве кота ни отцу, ни матери не сказал. Кот принадлежал соседу – священнику, которого родители называли отцом Никанором, а иногда - Станиславом Васильевичем. Не хотел Федька, чтобы они выкручивались, если придётся отвечать на вопрос: «Не сынок ли ваш пришиб моего котика?». Лучше пусть не знают.

Отец Никанор жил один, жена его - матушка Мария Захаровна умерла лет пять назад, Федьке тогда было десять, он помнил её, кот у них был другой - тигрового окраса, и голубей не трогал.

Зарыв кота в конце сада, он вздохнул с облегчением - за голубей спокоен.

Но не прошло и дня, как опять напасть – утонула сизарка-Любушка в большом алюминиевом тазу. Таз служил поилкой для кур, голубям же в него клался кирпич, чтобы с него пили, поскольку пьют по-своему – не запрокидывая голову, как это делают куры. Вчера, меняя воду, он забыл положить кирпич. Голубку с белым пятнышком на головке он очень любил. Никто не видел, как она беспомощно билась в воде, некому было помочь ей выбраться из глубокого таза с высокими бортами. Она была душой его голубятни, которую отец называл «кибиткой». Стоило Любушке сделать круг над домом, как в небе появлялись чужаки. Они устремлялись за ней, потом она приводила их на свою крышу. Федька не подрезал чужакам крылья, не держал в связках. Они становились своими из одного присутствия Любушки. Часто владельцы утраченных голубей просто умоляли отца, или Федьку, отдать им за выкуп того или иного голубя, что было выгодно, поскольку на корм уходило немало денег. Отец Федьки - Николай Михайлович считался заядлым голубятником в округе. Своих голубей передал Федьке, когда тот подрос, сказав при этом: «Это теперь твоя империя, а ты, стало быть, - император». С этих пор он чувствовал ответственность, переживал потерю каждого голубя. И вот – Любушки не стало. Какая была летунья! Душа замира-

Соседского черного кота с белым брюхом Федька люто ненавидел. Кот подстерегал голубей с крыла крыши, что нависала над голубятней. Упитанный с блестящей шерстью кот кидался на них ради забавы. Схваченную птицу в ловком прыжке стаскивал в кусты, где наигравшись с ней, оставлял мухам.

Только за неделю замучил трёх голубей. Федька в сердцах сказал: «Терпеть дальше нельзя».

Он внимательно осмотрел сетчатый забор соседского огорода, и, хотя сетка была густо переплетена порослью сирени с акацией, а внизу входила в землю, всё же обнаружил котиный лаз – в одном месте землю под сеткой вымыл весенний ручеёк. Федька увидел клочки шерсти на проволоке, не стал заделывать лаз, зная кошачьи повадки - всё равно найдёт где-нибудь другую дыру. Не мудрствуя лукаво, соорудил примитивную ловушку с петлёй из тонкой стальной проволоки, конец её прикрепил к шесту, и в полдень затаился неподалёку.

Именно в это время чаще всего видел кота на крыле крыши. До вечера кот не появлялся. На другой день – тоже. Лишь четвёртая засада принесла успех. Кот был ликвидирован. Он, поначалу ничего не подозревая, на брюхе подлез под

ла, когда она свечёй взмывала вверх, щёлкала крыльями, кувыркаясь через голову, входила в «столб» и вновь принималась играть, пока не входила точкой в облака. Такая игра с кувырканием и выходом в «столб» у голубятников называется «боём». Голубка могла держаться в воздухе четыре часа, а то и больше. Раньше за неё не беспокоился, даже если исчезала на несколько дней. Теперь - потеря...

Федька похоронил её в коробке из-под обуви, завернув в чистый белый платок, в том же месте, где и кота, но в отличие от него, сделал земляной холмик и поставил крестик из палочек, огородив веточками, чтобы случайно не наступить. В этот уголок сада редко кто из домашних заходил.

На другой день несколько раз заглядывал в голубятню, нет ли Любушки? – всё не верил в потерю. Грустным отходил.

За обедом мать, покосившись на хмурое лицо сына, поинтересовалась:

- Где ты пропадал с утра?

- За оврагом в посадке...

- Дома мало дел?

- Кобчики появились поблизости, мы с ребятами ходили в посадку, смотрели грачиные гнёзда, может, в них поселились хищники. Они вечерами пугают голубей криками.

- Не они ли цыплят таскали у нас в прошлом году?

- Не, мам, тот был коршун!

- Какая разница – вздохнула мать – что кобчик, что коршун, всё одно – ястребы!

- Как это, какая разница? - Федька посмотрел на неё с удивлением – Кобчик небольшой, юркий, шумный, а коршун – серьёзная птица – молчун. Он сверху висит, парит крестом, высматривает! По мне кобчики опаснее, когда собираются в стаю. Они же до темноты бесятся, из-за них голуби боясь садиться на крышу, кружат, так... И показал рукою как именно, а потом безнадежно махнул:

- Что тебе объяснять, всё равно не поймёшь!

- Куда мне, - усмехнулась она, – ладно, ты ешь, ешь... Мне на базар идти, а отцу опять плохо, ни ест, ни пьёт. Изжога, говорит, страшная, и рези в животе. Скорую помощь не хочет вызывать, говорит, пока терпимо. Так что смотри, если что – вызывай.

Николай Михайлович Крымов лежал в коридорном проходе больничного отделения на же-

лезной койке. Ещё шесть больных ютились здесь же. Мест в палатах не хватило.

По коридору шустро и улыбочиво сновали симпатичные медички в белых, светло-голубых и светло-зелёных халатах. Неуклюже топали с тяжёлыми задами и недовольными лицами по вытертому линолеуму кастелянши, посудомойки, уборщицы. Скрипели и хлопали двери, деловито расхаживали из палаты в ординаторскую и обратно пожилые врачи, кто в белом, кто в синем одеянии. Осторожно брели в столовую и обратно больные, начавшие ходить после операции, согнувшись и поддерживая руками заживающие животы.

Сюда Николай Михайлович попал на «скорой», её вызвал Федька, видя, что отцу совсем плохо, не берётся привычно за водку. Обычно при сильной боли в желудке он выпивал сто грамм и она отступала. На этот раз лёг на диван с испариной на лбу, пробормотав:

- Кажись, хана... нутро печёт сильнее обычного!

Теперь он лежал на койке в проходе больничного отделения, ещё не отделавшись от униженности процедуры первичного опроса: «Ваша фамилия, возраст, адрес, где работает? Что с вами случилось? Курите? Пьёте? Где ваш папорт, полис?»

Его раздражал повтор того, что уже выяснил врач скорой помощи, когда забирал его из дома. В приёмном покое заставили раздеться, расматривали, нет ли следов уколов, ножевых порезов, огнестрельных ран, синяков, татуировки. Подслеповатый врач с синей лысиной в окружении курчавых седых волос, вертел его как приёмщик кроличьих шкур, словно ему навязывают недоброкачественный товар, и он вот-вот его забракуют, или назначит неподходящую цену. Потом заставил лечь на кушетку, долго щупал живот приговаривая: «Здесь болит? – нет? А здесь? А вот здесь?..» Его глаза под толстыми стёклами очков казались Крымову злыми, на крылышке горбатого носа тараканом сидела родинка. Врач заставил его открыть рот. Сухой белый, распухший язык с вязкой слюной с трудом влезал в него.

-«Понятненько! – сказал он и сел что-то писать, потом повернулся к Николаю Михайловичу с укоризной:

- Как только водку примешь, так во рту порядок, и желудок работает, и в голове чисто. Правильно говорю? Вот, соглашаешься. Дальше то что? А дальше водка не помогает. Дальше, как говорится, некуда. А ведь взрослый человек!..»

Крымков промолчал, подумав: «Старый пузан, тебя бы на моё место – на стройку в мороз, в жару, в непогоду... Мне бы тебя в подсобники. Ходил бы без горячего обеда, с одним «тормозком», как я четверть века, пока в прорабы не выбился. Ты мне ещё лекцию прочитай о здоровом образе жизни...»

Николай Михайлович никогда к врачам не обращался, разве что к стоматологам, а при простудах обходился домашними средствами, а тут: раздели, рассматривают, щупают, словно он манекен какой...

И теперь, в проходе хирургического отделения, те же вопросы: подходили врачи, и щупали, мяли пальцами его живот, пытались определить диагноз, спрашивали: «Тут болит? – нет?..» Что он мог ответить? Везде чувствовал сплошную боль.

Лежал, стараясь не шевелиться, поскольку сердце било колоколом, а мозг пронизывал какой-то электрический разряд, отчего он подбрасывал голову и ойкал. Его начинала раздражать очередная команда, подходившего для осмотра «врача-щупальщика»: «Руки по швам!..»

Он даже сказал об этом заведующему отделением, Сергею Ивановичу:

- Странная команда, не армейская, а какая-то гулаговская.

Тот, улыбаясь, заметил:

- Здесь свой ГУЛАГ, порой такие вопли слышатся...

И, как давно испечённый колобок катился дальше, делая на ходу замечания больным: «Вам надо лежать! – рано ещё ходить»... или: «Прекращайте курение на площадке, марш в палату!» Исчезал в ординаторской, и появлялся вновь.

Боль не покидала Крымова, он еле терпел её. На всякий случай в прикроватной тумбочке лежала бутылка вина. Сын не заметил, как он завернул бутылку в полотенце, сдавая домашнюю одежду в камеру хранения.

Снова зав. отделением подкатился колобком:

- Вот что, Николай Михайлович, анализы я ваши смотрел, у вас не аппендицит, а нечто другое. Пока трудно установить, что именно, одни предположения. Для точного установления диагноза требуется небольшая операция, а именно: делаем на животе небольшой надрез, вставляем специальную трубочку с «глазком» и через неё заглядываем вовнутрь. Операция безболезненная. Решайте. Понятно объяснил?

- Куда понятнее! – тяжело вздохнул Крымков – Притронуться к животу больно, а тут – надрез, трубочка, нет уж...

- Подумайте хорошенько – настаивал Сергей Иванович – если не желаете, то распишитесь, вот здесь.

И сунул ему бумажку с ручкой. Николай Михайлович черкнул подпись, услышав в ответ: «Всё же подумайте, в любое время можете сказать о своём согласии».

Он лежал и думал, что дальше? Боль не утихла, «стрельба» по мозгам нарастала. В один из моментов такой «стрельбы» встал, сказав себе: «Пора хлебнуть глоток из бутылки!» Взял полотенце с завернутым вином и отправился в туалет.

Проклятая пробка не поддавалась зубам, вспотел от усилий и чуть не впал в отчаяние, но заметил гвоздь в стене. Расшатал, выдернул, расковырял пробку. Больше двух глотков выпить не смог – нутро ожгло так, что он запрокинул вверх голову, и быстро-быстро задёргал тапочками по кафелю – выбивая непроизвольно чечётку, чтобы не упасть. Потом решительно вылил вино в унитаз. Всё, – навсегда!

Лежал в кровати, раздумывая, давать или не давать согласие? Вспомнил мучения последних лет: боли, головокружения бессонницы, лечение рюмками... Наконец, собрался с силами, осмелел и отправился в кабинет Сергея Ивановича. Тот что-то писал в журнале и, увидев Крымова, удовлетворительно кивнул:

- Правильно, что решились, сейчас подготовимся к операции, потом позовём вас.

В операционной, куда его привели, он лежал под гирляндой светильников наголо раздетый. Из-за белой занавеси, что установили перед его подбородком, не мог видеть, что проделывает врач с его животом. Боль от укола и надреза почувствовал сразу. Заскрежетал зубами, потом совсем стало невыносимо, когда хирург ввел трубку в полость живота. Обезболивающий укол не действовал, видимо из-за вина. «Надо было признаться в выпивке, а теперь – поздно, придётся терпеть, сколько смогу...» - пронеслось в его голове.

Сергей Иванович всё вглядывался и вглядывался в приборчик на конце трубки. Каждое движение руки с трубочкой причиняло адскую боль. Крымков застонал и крепко выругался.

- Терпеть! – прикрикнул хирург – Сейчас заканчиваю, уберите подальше руки, иначе привяжем!

«Пытка!» - заключил Крымков – и заорал:

- Кончай мучить, так тебя, этак!
И услышал в ответ:
- Доигрался! У тебя же почти дыра в луковице
- светится! Чуть-чуть бы и – всё!
И скомандовал медсестрам:
- Готовьте больного к немедленной операции!

Дальнейшее он помнил смутно: на лицо натянули маску, попросили старательно дышать. Он втягивал, втягивал в себя воздух и – забылся, провалился в какой-то иной мир. Очутившись в нём, вдруг ясно ощутил на себе взгляд из тьмы двух зелёных зрачков. Они смотрели на него с такой ненавистью, что пронзили душу насквозь, обуглив её.

«Убери глаза!» – хотелось крикнуть Крымову тому, чьего лица не видел, но крикнуть не смог. Ему вдруг страстно захотелось смерти, лишь бы уйти от всевидящего ненавистного взгляда, но зрачки жгли и жги его. В какой-то момент неведомая сила взметнула его и швырнула в другую тьму – беззрачковую. Он почувствовал иное местоахождение. Пошарил вокруг руками. Слева и справа ощутил кирпичную кладку, тут же, по выработанной привычке не мог не отметить: «Клали грубо, швы не заделали...» Под ногами нащупал порожек. Не зная зачем, стал осторожно спускаться вниз по ступенькам холодного подвала. Вспомнилось далёкое детство, когда, вот так же, спускался в подвал, хватаясь то за стены, то за подол матери, а позади них гремели взрывы, дрожала под ногами земля... Это был налёт немецких самолётов на город, а тут – тишина. Свинцовые ноги тянули его вниз. Сердце бухало с преодолением каждого порожка. Он шёл и шёл вниз, порожки, наконец, кончились. Внезапно перед ним ослепительно вспыхнул свет. Он увидел себя на ровной земляной площадке, на которой сиял двухметровый деревянный крест, словно его облили спиртом и подожгли. Крымов не успел понять, что бы это значило, как мгновенно, словно вихрем, его подхватила неизвестная сила и втянула в гигантскую воронку, переходящую в трубу или туннель. Его несло вверх, и он испытывал необыкновенное блаженство по мере приближения к расширяющемуся выходу – клочку изумительной голубизны то ли неба, то ли иного завораживающего воображение простора.

Он испытывал счастье, неведомое ранее. Всем существом своим чувствовал себя неким избранным, не зная, за какие такие заслуги. Вся прошлая жизнь, казалась ничтожной, мелочной и не нужной, словно её не было вовсе, или же

она была не его. Всё его существо торжествующе пело, устремляясь в полёте на светящийся впереди выход, туда, где найдёт всему произошедшему с ним объяснение.

Вдруг, откуда-то со стороны, он услышал женский голос. Он настойчиво звал и звал его:

- Николай Михайлович, Николай Михайлович, откройте глаза, возьмите меня за руку!

Сожмите мою руку...

«Не хочу, не хочу!» - беззвучно кричал он в ответ.

Голос продолжал требовать открыть глаза, и он с трудом подчинился. Открыл их и увидел над собой сверкающие на солнце шары светильников, потом расплывчатое лицо женщины.

- Вот и славненько! - сказала анестезиолог, склонившись над ним в белоснежном халате – Крепче сожмите мою руку. Что, не выходит? Ничего силы придут, попробуйте ещё раз...

Крымов слабо тиснул её узкую кисть, лишь бы оставила в покое. Рядом увидел двух юных медсестёр в зелёных халатиках, с выжидательным выражением глаз. Он отвернулся и почувствовал в груди невыносимую жару пустыни. Становилось трудно дышать. Сухость во рту усиливалась.

- Пить! – жалобно попросил он – Пить!

- Ни в коем случае! – запретила медсестрам перед своим уходом анестезиолог – в крайнем случае, смочите губы водой.

Возле палаты его уже поджидали жена и Федька. Они помогли медсестре положить его с каталки на кровать. Принесли из холодильника грелку со льдом, положили на живот. Слышал, как им прошептала медсестра: «Ступайте домой, не беспокойтесь, операция прошла нормально, теперь главное – покой». Его поразил какой-то глупо-трагический взгляд Федьки. Что бы это значило?

- Иди домой, «Император», и забирай мать, – сказал он сыну слабым голосом – ничего мне пока не нужно, а минералку вы принесли. Идите, идите, до завтра... - и закрыл глаза.

Уже потом, много лет спустя, когда Федька сидел и читал книгу Алексея Кондратенко: «Жизнь Ростопчина», он из любопытства взял у него книгу и полистал страницы. Удивился, как точно подошло к сыну это шутовское домашнее прозвище! На 64-ой странице книги на него смотрел Федькин двойник – император Павел 1. Тут и горделивая вздёрнутость его носа, и глупо-

плутоватая улыбка, и поза – всё одно к одному. Взглянул на себя в зеркало и грустно подумал: неужели и он в молодости был таким же? Но это будет потом, а теперь, он не понимал, почему Федька так смотрит, ещё не зная, что сын переживал потерю лучшей голубки.

Через два дня Крымов уже знал по именам пациентов в палате. Напротив его койки лежал Юрий Петрович – его ровесник, которого он сразу стал называть Юрой. Юра выглядел измождённым после двух перенесённых операций на мочевом пузыре. Он лежал с бескровными губами, заострённым носом, с впалыми небритыми щеками. Глубоко сидящие его глаза-черешни бегали из стороны в сторону, словно желали убедиться, все ли видят его таким жалким и беспомощным?

Для Юры не нашлось места в урологическом отделении, и поэтому поместили в хирургическое. Днём он лежал мало – больше сидел на кровати, свесив худые голые ноги. Трясущимися руками он шарил по койке в поисках сухого места. Простыни ему не успевали менять. При появлении сестры-хозяйки дражайшим голосом просил убрать мокрое бельё и принести сухое. Каждый раз та брезгливо морщила нос, ворчала на трудности, с которыми ей приходится сталкиваться в городской прачечной. Больничная прачечная не работала, и поэтому укоряла его: «Опять ты измочился, запах идёт на всю палату, разве так можно? На вас не напасёшься чистого белья!..» Но постель меняла. К нему приходил врач-уролог, выслушивал жалобы и успокаивал подопечного: «Всё нормально, Юрий Петрович, старайтесь вертикально ходить в «утку», дырка в боку обязательно зарастёт!»

Издредка возле него появлялась дочь, она ставила на тумбочку фруктовые соки и кефир, усаживалась перед отцом на стул и вполголоса спрашивала о самочувствии. Юра стыдливо натягивал на голое тело простынь и начинал ворчать: «Ну что ты опять кладёшь? С прошлого раза принос твой не доел, посмотри, всего полно. Забирай обратно, лучше сухих тряпок притащи, лежу, как в луже...»

Было видно, что он ждёт, когда же, наконец, дочь уйдёт, чтобы взять «утку».

Помимо дочери, к нему ежедневно приходила внучка – голенастая, худенькая, суетливая, начинавшая с порога верещать звонкой синичкой: «Лежи, дед, не вставай, тебе надо поправляться... Зачем, зачем встаёшь? Лежи, кому говорят?!»

Юрина дочь была в разводе с мужем-пьяницей, подрабатывала на базаре, чтобы заплатить врачам за две его операции, хотя официально должны их делать бесплатно. Деньги, как он выразился, «здесь берут, не моргнув глазом, словно так и надо».

Крымов почувствовал себя неловко – за его операцию не платили. «Надо будет посоветоваться с женой при следующей встрече» – подумал он.

Другим больным в палате был двухметровый большеносый парень с высокомерным выражением лица. Он лежал через койку от Крымова у окна, в разговор вступал редко, неохотно, и если и говорил, то лениво, с пренебрежительной усмешкой к любой затронутой теме. Чаще лежал и читал книги. Временами у него начинались приступы боли в поджелудочной. Он вставал, рылся в тумбочке, доставал соду и запивал её водой. В палате его называли Сашей, или Саней, больше о нём ничего не знали. Когда Крымов начал понемногу передвигаться, он быстро нашёл с ним общий язык. В своё время ему довелось строить кирпичные корпуса завода, в котором Саша проработал лучшие свои годы. Нашлись общие знакомые. Саша оказался эмоциональным парнем с хорошо подвешенным языком, а его «высокомерие» оказалось обманным. Виною тому были кожные складки, идущие от носовых закрылок ко рту. Они придавали большому носу некую насмешливость, а рту и подбородку – горделивость.

И Саша, и Николай Михайлович любили курить на лестничной площадке у открытого окна. На подоконнике перед ними всегда торчала консервная банка с окурками.

– Понимаешь, Михайлович, – делился он воспоминаниями – был завод, была продукция и пользовалась спросом даже в Европе, а как пришёл «Миша меченый», пошли чудеса с ломкой системы. Возникли кооперативы для моментального сгрёба денег. Они работали на нашем оборудовании, и однажды мы оказались без зарплаты – денег нет и весь сказ. Я за четырнадцать лет прошёл путь от простого рабочего до начальника смены, институт успел окончить, поэтому соображаю, что к чему – заводу конец. Смотрел, смотрел на грабительский беспредел, плюнул и ушёл с завода. Теперь тружусь на фабрике у родственницы, она там не последний человек, надоумила меня освоить компьютер. Раньше я этой штуковиной не занимался – нужда заставила, разобрался с этой умной ма-

шиной, и пошло-поехало, группой стал руководить на предприятии. Жизнь вроде бы наладилась, да явилась новая беда – возникли проблемы со здоровьем.

Понимаешь, на меня спирт выписывали, как на руководителя группы. Дело такое, во время работы пить нельзя. Не пью до её окончания, потом хрястну стакан неразведённого, лимончиком закушу и – на проходную. Приду домой, поужинаю, почитаю, и – бай-бай до утра. Этим я испортил поджелудочную железу.

- Спиртом долго увлекался?

- Около года. Вначале горе заливал, всё же прикипел к родному заводу, а на фабрике люди для меня новые, трудятся с оглядкой на начальство, поделиться не с кем – продадут с потрохами. В одиночестве переживал, и - допереживался. Врачи теперь опасаются трогать поджелудочную, выписывают таблетки, колют уколы, а толку нет – болит проклятая. У меня на всякий случай четвертинка спирта припасена. Как совсем будет худо, хлобыстну её, чтобы отоспаться. Я же которую ночь не сплю. Чего смеёшься?..

Тут Крымов, не переставая смеяться, рассказал ему о своём «самолечении».

Другая кровать между ним и Сашей пустовала. Одно время на ней лежал парень-подранок. Ему из ружья дачник-пенсионер всадил в живот четыре дробины в порядке самообороны. Тот с пьяной компанией устроил стрельбу из обрезка в лесной зоне, а потом ринул на дачный участок пенсионера. Тот предупредил компанию, что может выстрелить, но это их не остановило, пришлось пенсионеру стрелять в воздух, а потом по нападающему, затем вызвал скорую помощь и милицию. Подранок, помещённый в больничную палату, отлежался и сбежал. На что при обходе врач заметил: «Никуда не денется, в его квартире был обыск, кое-что нашли, и дружок задержали. Ему ещё повезло: девятнадцать дробинок прошли по касательной, а вошли бы в живот – конец!»

Напротив кровати беглеца лежал молодой предприниматель. Он часто не ночевал, приходил утром к врачебному обходу. Ни с кем не здоровался, деловито клал на тумбочку стопку свежих газет, доставал сотовый телефон, с кем-то связывался, давая строгие указания, потом требовал в палату подвести завтрак. Через короткое время его личный водитель вносил в палату кефир, минеральную воду, паровые котлеты с

гарниром и картофелем, а иногда рыбу с рисом, овощи, фрукты. Предприниматель усаживался за стол и с хорошим аппетитом сосредоточенно чавкал в отчуждённой тишине. Потом переодевался в спортивный костюм, ложился на кровать поверх одеяла и просматривал газеты. Весь вид его говорил, что он здесь по недоразумению – залетел куда-то не туда. Однако добросовестно принимал таблетки, ходил на уколы, потом быстро выписался. Запомнился его мобильник и бритый затылок у окна.

На его место положили худенького старичка – участника Отечественной войны. После операции он лежал в беспомощности, крепко привязанный к кровати ремнями. Временами старичок метался, рвался освободиться от ремней, обнажая худое жилистое тело. Бормотал и сквернословил, и опять метался. Казалось, обретя свободу, он разнесёт всё вокруг. Никто из родственников его не посещал, лишь навещалась медсестра Вика для проверки прочности затянутых ремней.

- Викочка, – обратился к ней Саша, – дедушке плохо, вы бы человечнее к нему отнеслись. Бросили, понимаешь ли, на произвол судьбы...

- Отделение реанимации переполнено, – оправдалась та. – Решили положить сюда. Вы не обращайтесь к нему, сердце у деда крепкое, выдержит. Скоро придёт в себя, тогда и отвяжем.

Действительно, на другой день отвязали. Ветеран лежал спокойно, отрешённо, словно что-то обдумывал. Медсестра поила его, давала таблетки, ставила капельницы. На третий день, глядя в потолок и ни к кому не обращаясь, старичок попросил позвонить внуку, назвав номер телефона. Саша пошел выполнять его просьбу.

Внук к деду пришёл навеселе поздним вечером. Поздоровался с больными, сел на стул, широко расставив ноги, радостно забасил:

- Дедулька, жив? Порядок! Ну, даёшь! Никому не сказал, сам – в больницу! Или я тебя на такси бы не отвёз? Деньги – тьфу! Сегодня есть, завтра – нет. Ты извини, что тебе ничего не принёс, завтра же – притащу. Займу деньги и притащу... Мужики! – заорал он на всю палату – это мой дед – Иван Степанович, – сталинградец! Защитник наш! Он у меня боевой, да вот – ослаб.

- Потихонечко говори, – заметил ему Крымов.

- Я ору потому, что он глухой, как пень!

Иван Степанович всё же расслышал, живо огрызнулся:

- Сам ты пень! Когда меня скорая увозила, ты

вусмерть лежал пьяным. Наутро мог бы хватиться, где дед? По моргам побеспокоиться, по вытрезвителям, наконец...

- Ладно тебе, - без смущения прервал его внук - ты же в деревню собирался, мог бы записку оставить: «Меня внезапно забрала скорая». Ты лучше скажи, как с этим - то загремел? - и он ткнул пальцем в окровавленную повязку на животе деда.

Иван Степанович то ли не расслышал, то ли не захотел отвечать, гнул своё:

- Ты, поди, на другой день кинулся шарить по квартире, пенсию мою искать? Хрен её найдешь! Она в резиновом сапоге лежит на балконе. Забирай, но знай: половина пойдёт за операцию, а другая - на харчи. Станешь их исправно носить. Усёк? Утром будь здесь, как штык! И не жри самогонку, пока не вернусь из больницы. Давай, двигай!..

Поддействовало. Начал ежедневно приходиться к деду трезвым, приносить заказанные им продукты. Ветеран и впрямь плохо слышал, зачастую отвечал невпопад.

- Степанович, расскажи, как воевал в Сталинграде, - попросил его как-то Саша, доставая бритвенный прибор из тумбочки и склонившись к уху ветерана.

- О-о-о! - восторженно вскрикнул тот. - Кошмар! А куда денешься? Тебя же послали стоять, а не сопли распускать. Ну, дела!.. Это тебе не кино. Помню, повезли нас на фронт, не поверишь, - в пассажирских вагонах! Набили в купе, как сельдей в бочку. Не продохнуть! Полки заняты до потолка. Какой дурак выдумал? Едем, значит, едем, день, другой, третий... Вдруг среди ночи, трах-тарарах! Крики, стоны в потёмках, что такое? Налёт авиации? Где там... Полка в купе не выдержала, верхние бойцы рухнули на нижних. Двух насмерть задавило тяжестью, - черепа не выдержали - других покалечило, в лазарет отправили. Едем дальше, привезли нас на передовую, а там, в Сталинграде земля рыта-перерыта, улиц не найти, дома изуродованы, труп на трупе, вонище стоит... А куда денешься? Стоять надо, «плиту» с «трубой» устанавливать, мины подтаскивать... Свыклись, рассуждать некогда, - не в тылу. Ох, и народу полегло тогда - уйма!..

Он долго молчал, глядя в потолок, потом опять:

- А вот, когда мы ехали на фронт в купейном вагоне...

Начинал повторяться. Нелепая гибель двух солдат, видимо сильно на него повлияла, если до сих пор не выветрилась из памяти.

Степанович - так его стали звать в палате - посмотрел-посмотрел, как Саша бреется, встал с койки и взглянул на свою худую щетинистую физиономию в зеркале, забормотал:

- Ни хрена себе!.. Чёрт и то лучше... Можно людей пугать... Завтра побреюсь, если внук не забудет принести «опаску». Нет, забудет, гад...

Ночью шёл дождь, но утром в окно палаты радостно бил солнечный свет. Во дворе на асфальте просыхали лужи под огромными тополями. В палатах становилось жарко, и после обеда больные потянулись во двор, иногда с кусками хлеба для голубей. Птицы привычно слетались к скамейкам, толкая друг друга, склёвывая хлебные крошки так жадно, словно вокруг стояла голодная зима.

Крымов, проводив жену до автобусной остановки, подошёл к Саше, сидящему на скамейке. Тот бросал подсолнечные семечки прожорливым голубям. С высоты тополей свисали комочки-мешочки грязно серого пуха. Кое-где на ветвях они уже подсохли, и «снежинки-пушинки» порхали в воздухе, неторопливо спускались к копошащимся голубям на асфальте.

- Смотрю на них, - задумчиво сказал он Крымову - никак не пойму, где голубь, а где голубка? Все на одно лицо. Ты говорил, что держал их. Как определяешь пол?

- Каждый голубятник определяет, как умеет, - начал Николай Михайлович - обычно ловят птицу и щупают под хвостом пальцем для точности, а она - стопроцентная.

- Чем кормятся? Похоже, едят всё подряд, как свиньи, - продолжал тот интересоваться.

- Так и есть! - подтвердил Крымов - Эти - непородистые, дворовые голуби. Своим даёшь пшено, вику, горох, кукурузу, коноплю, чечевицу. Правда, сейчас чечевицу редко где встретишь, конопля тоже стала пропадать. Рожь, к примеру, едят плохо. Они от неё сохнут.

- Слушай, Михайлович, - и Саша вновь сыпанул голубям горсть семечек, - я читал одну книжку, написал её некто Резун, псевдоним «Суворов». Запомнил в ней странные слова о голубях, например, пишет, что голубь - птица-убийца, а вовсе не символ мира, как принято считать, и характер её обманчив. Что думаешь по этому поводу?

- Дурак он набитый! - вот что скажу, - резанул Крымов - Есть эта книга у меня на полке. Купил из любопытства. Называется «Аквариум». Резун - предатель Родины, сбежал в Англию. В его

книгах - брехня, какая нередко несётся с экрана телевизора. Мой Федька однажды слушал-слушал одного телеисторика и говорит: «Бать, нерусские люди нас учат жить, ругают нас. Иди, послушай, как угнетали твоё поколение...» Я ему в ответ: «Ты чаще просиживай у экрана, быстрее сделаешься болваном, они этого хотят». Ладно, Сашок, если хочешь, о голубях можно поговорить.

- Давай-давай! – подбодрил его он – Время есть, что в палате делать?..

-Если начать издавело, то с древних времён у многих народов голубь почитался за кроткий, уживчивый нрав. Одни считали его символом плодородия, невинности, мирных намерений. У других народов голубь – вестник богов. Хотя кое-где голубей употребляли в пищу, считая лакомством, но в целом отношение к ним было культовое. Например, по поверью славян душа умершего превращается в голубя. Священной птицей считался голубь и в странах Востока. Там убить его – дело греховное. Недаром позднее на плече пророка Мухаммеда появился голубь, олицетворяя сходящее Божественное вдохновение. Голубь изображался на скипетрах многих правителей, чтобы подданные понимали - власть над ними дана посланцем Бога.

- Так ведь и орлы изображались, и соколы, – вставил своё Саша, – мало ли тотемных птиц почитали в древности?

- Хищные птицы это другая сторона человеческих наклонностей. Должен тебе напомнить, что древние люди думали, что у голубя нет желчи, что со времен Гиппократ считалось причиной злого сварливого нрава. Голубь же - сама доброта и беззлобие. Это отражено в культуре и религии многих народов. В христианстве голубь – символ святого Духа. Голубка, выпущенная Ноем во время потопного плавания, принесла ему оливковую ветвь, как символ примирения стихии, что считается знаком прощения людей. По Библии-то как: Бог принял обличие голубя, и девственница Мария родила младенца Христа. Возьми: 7 голубей – 7 даров Святого Духа, 12 голубей – 12 Апостолов. Вспомни, как старушки, глядя на влюблённых, говорили: «Сидят, воркуют, как голуби». Теперь приблизимся к нашим дням. Насколько я знаю, в 1949 году Пабло Пикассо нарисовал эмблему мира – белого голубя, несущего в клюве оливковую ветвь, как символ мирных намерений. Эмблема утверждена ООН. Да, кому-то не нравится этот символ мира, вроде Резуна, которому спецслужбы Запада поручили грязное дело – переставить правду

с ног на голову. Мол, пиши! - что-нибудь останется, особенно в молодых головах. Ты вон, и то засомневался в голубях!

- Я ж, Михалыч, их не держал, мало о них знаю...

- Повадки голубей общеизвестные! – парировал Крымов – Ключнул ты на печатное слово, не подумавши, а в наше время думать надо. К примеру, если на смысл наложить противоположный смысл, что выйдет?

- Это называется постмодернизм, как я понимаю, – схватил суть вопроса Саша.

- Получатся тараканы в голове!

- Вот-вот! – Саша оживился – Как у нас: на советские образы грубо накладываются антисоветские, а потом удивляемся, отчего дуреет молодежь и бардак в стране.

Однако мы залезли в политику, давай дальше о голубях.

- Мода на них вышла, вот что меня печалит, - продолжал Крымов. - Мода эта возникла в Европе в конце 18 века и шла до 20-го. Запад не ставил породы голубей, но он имел дело с восточными колониями, и привозил оттуда разных птиц. Появились у них после этого общества любителей голубей, стали описывать породы в атласах, распространять знания, расселять голубей и их выращивать. До 300 голубиных пород насчитывалось, 90 успели описать в то время. Запад всегда диктовал моду. Наше дворянство с петровских времён смотрело Европе в рот, не хотело отставать, кинулось обзаводиться голубятнями, хвалиться ими, как раньше собаками. Выставки стали организовывать, издавать сборники статей о голубях, и пошло-поехало... Мода продержалась до Первой мировой, потом в Гражданскую войну голубятники понесли большой урон. Где-то с 1925 года у нас, спохватились, образовали подсекцию голубятников при Осоавиахиме. Даже рекорд установили на дистанции 537 километров для почтовых голубей – 87 километров в час! Любителей голубей много было накануне Отечественной войны. Позже - уже не то, но всё равно интерес у мальчишек поддерживался. А теперь? В нашем городе таких любителей - раз-два и обчёлся. Хорошие голуби имеются на Кавказе, в Средней Азии, что понятно, ведь голубей издавна любили в Турции, Иране, Индии. Не знаю, вернётся ли мода, но пока, её нет. Дело держится на энтузиастах. Я надеюсь на Федьку, у него к ним живой интерес. Конечно, голуби по характеру разные бывают, как и люди: умные и глупые, добрые и не очень, даже злющие попадают. Тот же Ре-

зун, о котором ты сказал, - изменник, сбежал из собственного дома. У голубей тоже так: одни быстро привыкают к чужой голубятне, зарятся на хороший корм, а других приручить труднее. Какое-то время хозяин держит голубя в связках, и он забывает старый дом. Но есть такие – сто связок не помогут. Ему выдёргивают маховые перья, ждут, когда отрастут новые, мол, забудет свою голубятню. Куда там! При первой же возможности улетает к себе через все препятствия. Он никогда не изменяет первому дому. Такие – самые ценные голуби.

- Так уж и преданные! Как собаки, что ль? Я имею в виду умных овчарок, – засомневался

Саша. – Мозгов у голубя с орешек.

- И орешку достаточно сообразить, где настоящий дом! – парировал Крымов – Чем только не соблазняют их голубятники: и жарят коноплю на сковородке, и поят водичкой на меду – бесполезно. Будет клевать твою коноплю, и пить сладкую водичку, станет перед тобой хвост мести, укать и ворковать, а в нужный момент связки порвёт, или дождётся выроста маховых, и – тью-тью! – взлетит, помчится домой за сотни километров, каким-то образом находя ориентиры в пути. Большинство людей просто не знают голубей, а когда возишься с ними долго, уже не скажешь: «Все на одно лицо». Ты имеешь хотя бы представление, как различать их по перу, по масти?

- Да нет, так, приблизительно.

- Ты врасплох застал меня, говорить буду не по-научному, а по-простому, вспоминая по ходу то да сё. Запоминай, если сможешь. Так вот, есть турманы, они бывают жёлтые: хохлые и бесхохлые... Тебе понятна хохлатость?

- На голове перья вскинуты?

- Да, чубчик такой вздёрнутый, а без него – бесхохлые. Теперь чайки, - продолжал Николай Михайлович, – они бывают желто-пегие, синеплёкие, чёрноплёкие и тоже: хохлатые и бесхохлые. Потом сипуновские, порода такая: красные, а концы крылышек белые. Опять же: хохлатые и бесхохлые. Оранжевые и чёрные. Чёрные, как ночь и ничего белого. Встречаются и светлые – чёрное с белым: хохлатые и бесхохлые, но масти одной.

Дальше «монахи» ленточные. Они чисто белые, только хвост красный, потому и называются «монахи краснохвостые». Ещё «монахи» бывают оранжевые: панцирные чернопегие, панцирные жёлтохвостые. Бывают «крестовые монахи»: чернохвостые и оранжевые. Например, хвост чёрный, и семь маховых перьев чёрные, «мор-

да» или «маска» - чёрные, а остальное – оранжевое. Или наоборот. Желто-пегие панцирные и оранжевые панцирные. Это одна порода, а масти разные. Встречаются среди них космогоние. Эти больше ценятся. Теперь, - дегтярные голуби. Это цвет такой, тёмно-кирпичный, - темнее оранжевого. Опять же, хохлатые и бесхохлые... Ты не устал слушать?

- Давай, давай, голова разберётся.

- Доходим до чистяков. Носики у них длинные. Бывают желто-пегие. Как тебе точнее сказать? Крылышки у них посреди чуть белые, а так сами жёлтые. Есть чистяки синеплёкие, а также белопоясные. У них на крыльях два белых пояса, а сами синие, как говорят «в поляблока». Затем синеплёкие чёрнопоясные. Черноплёкие белопоясные, и просто чёрноплёкие. Я ещё не упомянул чегрышей, белохвостых и чёрнохвостых, синехвостых и синеплёких. Среди чегрышей ценятся белые космогоние. Почтовые голуби идут к чистякам. Они разнообразные. Выделяются «немцы» с курносый носом, «попки» у них разные, тебе не понять, да и незачем. Есть «варшавские» - в нашем городе их нет. Зато можно встретить почтового «дракона». У такого вместо носа «грибы» - наросты такие на носу, а глаза выпученные. «Драконы» разного цвета: сиреневого, жёлтого, дымчатого. Бывают палевые почтари...

Саша от избытка информации, похоже, отупел. Крымов остановился:

- Надоело слушать?

- Честно? Не усваиваю окрасы. Что значит, например, желто-пегий?

- Масть такая по перу. Вообще-то желто-пегих и красно-пегих на нашем базаре не встретишь. Цена им была от 30 до 600 советских рублей. Попробуй, переведи на российские деньги - запутаешься. Я тебе ещё не назвал белых гривунов. Они – чисто белые, на шее загривок чёрный или красный. Про «трубачей» говорил, нет? Тоже разной масти. У них стойка: голова - кверху, хвост – книзу. Не спутай с «хохлачами», белыми, кофейными и прочими. Они двухохлые и воркуют по-своему: поднимут свои хохлы и два часа могут ворковать. Мастей – предостаточно. По полёту у голубей делю на «бабочных» и простых. «Бабочный» голубь сразу летит вверх по небольшому кругу. Такую набирает высоту, что не видно глазу. Простой голубь её не возьмёт, он идёт по широкому кругу, спиралью, и ограничен высотой. Пусть у него хоть сто достоинств – полёт не тот, понимаешь?

Саша неопределённо хмыкнул, а Крымов увлечённо продолжал:

Если перечислять породы по названиям стран и городов - дня не хватит. К тому же, расцветок – уму непостижимо. Кое-где голубей держат в декоративных целях, но по мне главное – лётные качества. Не спорю, голуби прожорливые, хотя не как свинья, - скорее, как утки, и, конечно же, толстеют, как и мы от обжираловки. Они ленивыми становятся для неба. Вот почему голубятники гоняют их постоянно с крыш. Хорошие летуны – почтари, турманы, чистяки едят мало, умеют взлетать вертикально не хуже жаворонков, и опускаться так же. Фёдора моего расспроси, он теперь больше меня соображает, у него глаз молодой, острый. Я от голубей отошёл, «кибитку» ему передал. Он голубей меняет, продаёт и покупает. Научился чужаков ловить...

- Вот, кстати, Зачем чужих голубей ловят? – оживился Саша.

- Закон такой неписанный: не будешь чужих ловить – твоих подловят. Не схapaiшь чужачка - на корм не заработаешь. Пшеничку и коноплю «за так» никто не даст. Такая у голубятников работа.

Саша поднялся со скамейки, потянулся во весь свой богатырский рост, и тут же морщась, похвалил Крымова:

- Ты ещё тот спец по голубям! Слушал, слушал тебя и боли в поджелудочной не чувствовал. Сейчас - в глазах мутнеет, и подумал я о высоте. Она – у каждого своя, а мы здесь вроде летунов. Вот, залетел я в больницу и не знаю, когда выберусь. Пойду-ка в палату, выпью четвертинку спирта, успокою боль. Отосплюсь, и будь что будет, дальше терпеть не могу...

Николай Михайлович разубеждать его не стал, помня своё предоперационное состояние. После операции он о «спуске в подвал и дальнейшем полёте в трубе» старался не вспоминать. Понимал, что язык объясняет явления земные, или же околоземные, а тех, которых глаз не зрит, понятийный аппарат мозга не в состоянии воспринимать. Как, например, понять слепому от рождения, что такое красный свет? Он и обычный свет не видел. Козу, например, может пощупать руками, и будет иметь представление о ней, а то, что вне органов чувств, мозг отказывается понимать... Крымов чувствовал, что он тогда летел к какой-то иной реальности и поэтому не торопился с выводами. Лишь однажды спросил у Юрия Петровича, что он видел, когда ему делали операции? – первую и вторую.

- Ничего особенного, Михалыч, не видел. Помнится, при первой – видел себя со стороны. Стою, значит, я возле крытого брезентом грузовика – «ЗИЛа-53го». С автоматом хожу вокруг и около, должно быть охраняю его, но машина явно не моя. Я всё больше на «КАМАЗах» ездил. Хожу, хожу, а из-под брезента вдруг высовываются, черти - не черти, бандюки – не бандюки, но рожи неприятные. Они начали выпрыгивать, и бежать ко мне. Я за автомат хватаюсь, а он без магазина, тогда пустился бежать от них. Бегу по каким-то лабиринтам, а им конца и края нет... Потом внучка моя появилась, вывела меня к дому. Так, чепуха снилась.

- А при второй операции?

- Ну-у-у... – он замялся и задумался - Если честно, баба снилась, точнее девушка. Любил я её в молодости... Не получилось у нас. Я – пацан, а она десятилетку уже кончила. Зачем я ей? Понимаю, но ничего поделывать не могу. Бегал за нею, как цуцик какой, пока в армию не взяли. Через три года вернулся, а у неё муж и двое ребятшек. Всё, - не моя! А как встречу – сердце колотится. Потом остепенился, женился, вроде бы забылось. А тут лежу под наркозом, вижу её – глаз оторвать не могу. Завидев меня, кинулась она ко мне, а я – к ней. Всё вышло, как мечталось, пока не очнулся. Приятный сон, жаль оборвался. Вот и всё, что примерещилось.

«Не то, не то, - думал Крымов – Юра увидел другое, что снится многим, а я тогда соприкасался с Небом. Оно предназначалось мне, чтобы осознал нечто главное в жизни. Но что? Обязательно надо поговорить с отцом Никанором».

*

Пошёл на поправку Юрий Петрович. Вернулся из туалета повеселевшим. Рассказал, что сходил по малой нужде без «утки».

- Молодец! – похвалил его Крымов – Под Сашкин храп спи спокойно. Бывший моряк теперь на суше. Я, пожалуй, пойду к соседям телевизор посмотреть...

Маленький «Рекорд» принадлежал Грише-армянину из четвёртой палаты, в прошлом местному футболисту, с годами перешедшему в разряд болельщиков столичного «Спартака». Болел он и за ведущую местную команду, не пропуская ни одного матча. Узнать его на трибуне стадиона не представляло труда – орал громче всех. Крымов от больных уже знал, что он занимается ремонтом обуви в будке комбината бытового обслуживания. Теперь – сам себе хозяин –

индивидуальный предприниматель. Жаловался как-то в палате: «Будку закрывать пора, концы с концами не сходятся, прибыль уходит на налоги да на мзду начальству!»

Телевизор принесла в палату жена его, чтобы не скучал. Гриша в больнице частый гость: то лежит с обострением язвы желудка, то с удалением грыжи, то с аппендицитом, то по случаю выхода из очередного запоя. Вокруг его телевизора вечерами собираются больные из соседних палат, шумят так, что дежурный врач сердится и разгоняет их по своим местам. Поговаривали пациенты, что «русский армяша», как они его зовут промезе себя, не так прост. Будку на базаре держит для видимости – место удобное, а на самом деле он что-то «химичит». Часто в дневное время к нему заходят торговцы из числа цыган и южан-«хачиков», а вечерами – бомжи, и прочая базарная шантрапа, неизвестно зачем. Он за день пару подмёток не приколотит, хотя ссылаётся на множество заказов. Почему-то торговки на базаре его побаиваются. Милиция знает об этом, но его не трогает. Когда лежит в больнице, жена то и дело заходит к врачам с туго набитыми сумками. Нередко потом Гришу переводят в другое отделение для продолжения лечения. Вроде как отлёживается.

Войдя в палату, Крымов увидел: Гриша возлежал в трико на трёх матрацах, как персидский шах. Он их выпросил у кастелянши, ссылаясь на слабость кроватных пружин. На очередного гостя взглянул равнодушно шариками чёрных глаз, и повернул свой мясистый нос к экрану телевизора. Николай Михайлович, обратил внимание на пальцы волосатых рук Гриши. Они были унижены золотыми перстнями. Под трико колыхался огромный живот-мяч, и торчала щёточка смолистых усов над верхней пухлой губой. На голове красовалась красная бейсболка с длинным козырьком. Вдруг он содрал её и завопил:

- Го-о-о-л!!! Влепи-и-и-л!

И оглядел победным взглядом присутствующих, словно он - автор гола. Прокричал и вновь натянул на лысину бейсболку.

Футбольный матч не интересовал Крымова, он ждал его окончания, чтобы посмотреть новости, но не прошло и десяти минут, как в дверях показался Юра, и поманил его выйти в коридор. Крымов вышел и удивился.

У дверей их палаты на полу лежал Саша, сосредоточенным взглядом уставившийся в потолок, словно что-то обдумывал, перед тем как произнести речь. Его голову поддерживала руками медсестра Вика. Она попросила помочь

поднять его на каталку. Втроём они еле справились, покатали его в реанимационное отделение. Дежурный врач поспешил за ними с нижнего этажа.

- Что произошло Юра? – спросил Крымов, когда они шли назад.

- Как ты ушёл, я лежу, Иван Степанович кефирит, – охотно начал Юрий Петрович – Сашка богатырским сном спит, вдруг проснулся, голос подаёт, смеётся, на стену пальцем тычет: «Кино цветное показывают, человечки за бабочками с сачками гоняются...»

Степанович услышал, скумекал, что к чему, кричит ему: «Крыша поехала!» А Сашок – в ответ: «Сам так думаю, дома однажды видел мышей на занавеске, но в чёрно-белом свете, а тут – цветные человечки...». И смеётся-заливается. «Саша! – говорю, надо бы медсестре показаться, хуже бы не было...»

Они зашли в палату, взглянув на Сашкину пустую койку.

- Он курить пошёл, а как вернулся, грохнулся у самых дверей, – понял их без слов Иван Степанович – Дурак, нашёл, где водку пить! Это же не кабак! Пахло от него водярой, хоть окно открывай. Спал бы до утра, зачем вставал? Я бывало, как завалюсь спяна, – двое суток дрыхну! А этот – верзила, а слабак!

- Ну, дела! – вздохнул Крымов – Надо сообщить жене его. Пойду, узнаю домашний телефон у дежурного врача...

- Завтра сходишь, теперь дело ночное, и притом – в выходной день ничего добьёшься, – резонно заметил Юрий Петрович. – Гасите свет.

Степанович продолжал своё, не разобрав, о чём они говорят:

- Здоровый такой... Когда шёл, чуть не завалился на меня. Говорю ему: легче на поворотах! Ты не в пивной. Он – мне: «Прости дед, ты воёвал за Родину, а мы её продали за сто сортов колбасы, дай я тебя поцелую!» Полез обниматься. Нешто я баба? «Дед,- говорит - если не вернись с фронта, считай меня коммунистом, в моей тумбочке записная книжка, в ней адрес мой». Слабак, но мужик хороший, видно, что-то чувствовал...

Крымов переглянулся с Юрой, и тот полез в Сашкину тумбочку, а Степанович продолжал бубнить:

- Помнится, в сорок первом в лесу под Москвой: снег, мороз жуткий. Ночуй, где и как хочешь. Ни топоров, ни пил, чтоб шалаш соорудить. Батальоном заскочили через поле в берёзовый лес. Кое-как взводом разожгли костерок.

Стоим, греемся, тесно. Стараемся стать к огню то спиной, то грудной. У кого на ногах сапоги, у кого – обмотки. С сапогами проще обсушивать: вытащил, сперва, одну ногу – суши портянку, потом – другую. Обмотка же длинная – два метра, опять же ботинок надо снимать, чтоб портянку посушить. Не разгонишься! Но в обмотках теплее, чем в сапогах, доложу я вам. Правильно наматываешь её – легче ходить, и снег не набивается в ботинки. Ботинки же добротные – кожа, а если две пары портянок накрутишь, ходи себе – кум королю!.. Стоим, значит, у костра, греемся в шинелишках. Спорим, материмся, как положено, а сами не знаем, что делать дальше?.. Взводных собрал у себя где-то в овраге командир батальона. Ночь, а спать как? Стоя спи! Вдруг на костёр выходит к нам солдатик – гусиная шейка, ножки кури. Молоденький, видать городской, дрожит от холода, сопли из носа лезут, он их рукавом шинели – шмыг-шмыг. Винтовка болтается за спиной, патронташ обвис на пузе. Не тёртого вида солдатик, видать отбил от своего отделения. Подошёл, просит пустить погреться. А ему: «Кто такой? Пошёл вон отсюда, салага!» Прогнали его. Отошёл к берёзе, стоит, плачет, как ребёнок. Жестоко? А то нет! Это война, а не детсад. Слабаки ей не нужны. Ты ищи, салажонок, своё подразделение. Может, командир спохватился, послал солдат искать тебя – разгильдяя. Искать неизвестно где в морозную ночь. Ты куда шёл? На войну. Так держись строя – своих товарищей, мать твою в крест!

Изложив это, Степанович вздохнул и продолжал:

- Ушёл салажонок от нас в чащобу. Пропал, нет ли, кто его знает?.. А Сашка мне возле койки говорит: «Родину продали за колбасу!» Слабаки и продали. Таких, вот, взрастили...

- Степанович! – крикнул, подал голос с постели Крымов – Он Родину с государством спустил...

- Хрен редьки не слаще! – буркнул в ответ ветеран – Продают всё подряд...

Утром пришёл врач из урологии и забрал к себе Юрия Петровича. После обеда на его место лёг парень, получивший где-то ножевое ранение. К нему в полдень пришёл милиционер, чтобы выяснить обстоятельства ранения, но ничего не добился. Парень упорно твердил: «Случайно сам наткнулся на нож». После ухода милиционера парень повеселел, спустил ноги с постели, попробовал ходить...

- Звать тебя как? – поинтересовался Крымов, вернувшись с перевязки.

- Вовка! А у вас закурить нет?

- Найдется, но, может, не надо?

- У меня шов на животе подживает, нормально обошлось, курить хочется...

- Тогда, пойдём, подышим!

Крымову без Саши скучно одному курить у подоконника, а новый курильщик больше молчит. Узнал от него мало: Вовка работает приёмщиком металлолома у частного лица, сам из деревни, приехал в город на поиск работы. Денег получает – гроши, а надо кормиться и платить за жильё. Образование – среднее, в армию идти через год.

Вечером, при очередной сигарете, Крымов спросил его:

- Володя, если откровенно между нами, – что произошло с тобой на самом деле?

- Крепко в долги влез, – начал тот, – а отдавать нечем. Сроки возврата прошли, я тянул, как мог, а потом сбежал в деревню, но нашли меня кредиторы, вызвали из дома. Ругань пошла. Ну и пырнули мне ножом в живот, вроде случайно. Да я и сам виноват, разгорячился. Упал тогда, а они ушли, потом вернулись, подобрали и отвезли в город, в больницу, где сказали: «Мы его на дороге нашли»... Как я могу сдавать их в милицию, если мне предстоит возвращать долги? Тут надо как-то по-иному... Пока не знаю как.

- Дома знают?

- Нет, мать думает, что с ребятами уехал в город. Она у меня одна, ей до пенсии три года, у фермера трудится в коровнике, сама концы с концами еле сводит.

- И что дальше? – ведь они не отстанут.

- Надо бы работу хорошую найти – не эти копейки...

Заведующий отделением Сергей Иванович придя на работу, заглянул в ординаторскую. За столом сидели дежурный врач Лев Григорьевич и старшая медсестра Елена Викторовна. Оба с уставшими лицами готовились к сдаче дежурства. Елена Викторовна возмущённо говорила Льву Григорьевичу:

- Представляете, приходит из урологии Борисов в третью палату и забирает нашего больного, а я случайно узнаю. Когда такое кончится?

- Разберёмся, – пообещал тот – это его больной, он его дважды оперировал. Итак, одно место в третьей свободное...

- Теперь два свободных в этой палате, - поправила его медсестра, - вчера одного отправили в реанимацию.

- Это кого? - удивлённо поднял брови Сергей Иванович. - Не в курсе.

- Высокий такой парень, как его? - Лев Григорьевич заглянул в журнал, - Ситников Александр. У него алкогольный токсикоз, крыша поехала, мы собирались ему чистить поджелудочную...

- Спирт выпил, - уточнила она. - В крови шесть промилле, прямо беда за последнее время... Итого: две койки свободные в третьей палате и одна - в девятой.

- Сколько поступило, Лев Григорьевич? - привычно задал вопрос завотделением, склонившись над журналом.

- Шесть. Два с ранениями. Одного я только что почистил от ножа, положил его в третью, на место Ситникова, он вернётся к нам не раньше недели. Всё равно, Сергей Иванович, трёх поступивших больных негде размещать, кроме прохода. Сидим с Леной, смотрим, кто у нас готовится на выписку...

Он начал перечислять по палатам, называя фамилии больных, но всё равно выходило, на завтра - никого, за исключением Грачикова из пятой палаты.

- Грачикова подождём с выпиской - решительно сказал Сергей Иванович.

- Но у него всё в порядке, - заметил Лев Григорьевич - прикрепим к районной поликлинике, пусть понаблюдают за ним какое-то время. Не понимаю, зачем держать?

- Нечего тут понимать, - вскочил с места заведующий отделом - Грачиков - тракторист, живёт в сельской местности, питается кое-как, можно сказать сидит на одной картошке. Представляете, в какую обстановку вернётся? Сразу же должен сесть на трактор - работать некому. Разве он из глухомани в местную поликлинику пойдёт?

- Не наше дело, - буркнул Лев Григорьевич - не имеем основания его держать.

- Не имеем, - согласился Сергей Иванович - но сделаем вот что: переведём в терапевтическое отделение на долечивание. Пусть там его подкормят. Это будет правильно. Что-то мы стали черстветь к простым людям. Может получиться, как у наркома Семашко в двадцатые годы...

- Что у него было? - живо поинтересовалась Елена Григорьевна.

- Однажды, говорят, вырвалось из его ре-

чи перед слушателями междурсов: «Мы должны придерживаться классовой солидарности и не лечить кулаков». Теперь что, - наоборот?

- Что-то вы не в духе сегодня Сергей Иванович, - заметила она, - мы-то здесь причём?

- Знаете не хуже меня, о чём говорю. Кстати, я этого футболиста, симулянта Азаряна из четвёртой палаты домой выпроваживаю - хватит! К тому же ожидается приезд комиссии из областной администрации. Планируется пристройка нового корпуса. Наконец-то нищета девяностых годов заканчивается! Я думаю, начальство пройдёт по всем отделениям, будет заглядывать в палаты. Сегодня я соберу персонал, обсудим, как отделению достойно выглядеть и что для этого сделать. Главврач просил: «Перед комиссией не плакаться о наших нуждах, они всем известны, но всё же лишние кровати из прохода уберите»...

Сергей Иванович задумался: всё чаще и чаще в отделение стали поступать пациенты с огнестрельными и ножевыми ранениями. Раньше это были единичные случаи, а теперь, чуть ли не ежедневные. Конфликтность в обществе стремительно нарастает, что-то творится нездоровое в стране, что-то утрачено безвозвратно, и путь, на который вступило государство, скользкий и опасный. Это, как хождение по одному и тому же кругу. Ну, пристроят новый корпус, расширятся лечебно-хирургические возможности, улучшится система оплаты труда персонала, и что? Изменится жизненная ориентация, появится некий новый смысл жизни? Не изменится. У нас как? «Производитель услуг - потребитель» Ты - продаёшь, у тебя - покупают. Дальше живи, как хочешь. Зачем, зачем мы так живём? - думал он. Должна же быть, какая-та, объединяющая всех цель. Большая, коллективная, ради которой стоит жить! Или мне, как врачу, не надо перед собой ставить такие вопросы, а полностью утонуть в ежедневных заботах о выздоровлении больных? А они лезут и лезут под ножи и пули, наплевать-льски относятся к своему здоровью, а то и вовсе становятся добровольными объектами знахарей...

Всё чаще он испытывал одиночество, когда наплывали такие вопросы, и только выработанный за годы режим дня заставлял спешить к больным. Он оживлялся, катился колом от палаты к палате, чувствуя свою нужность.

Август только начался, но уже Крымов стал замечать первые признаки осени. Грачи, сбив-

шись в большие стаи, с утра устраивали шумные репетиции скорого отлёта. Кроны городских тополей пожули и осыпали тротуары листвой. На пустырях и оврагах окраины обвисла лиственной крапива и полынь, забурела пижма, заполыхал бледной синевой цикорий. Николай Михайлович в этот августовский день проведаль Степановича. Дед всё ещё лежал в больнице, долечивался, но был бодр. На обратном пути, подходя к своему дому, решил зайти к отцу Никанору. Он заметил его за жидким штакетником огорода. Крымов улыбнулся, подумав, что издали священника можно принять за графа Льва Николаевича Толстого, если обратить внимание на его седую пышную бороду, простые чёрные штаны с пузырями на коленях, серую рубаху навыпуск, подпоясанную узким ремешком, за который он в минуты отдыха засовывал кисти рук. Разве что брови были темными и не такими кустистыми, как у великого писателя. К тому же Отец Никанор немного прихрамывал из-за ранения, полученного в боях под Москвой.

Завидев приближающегося к калитке соседа, отец Никанор поспешил ему навстречу.

Тепло поздоровались. Присели на скамейку под яблоней. Отец Никанор, вглядываясь в Крымова, с удовлетворением отметил:

- Слава Богу, вы посвежели с лица после больницы, а то ходили, как тень ночная, с впалыми глазами. Язва – серьёзная вещь, по себе знаю. А как я вылечился? – никак. Самое интересное, что заработал её, где вы думаете? - в госпитале, когда по ранению ноги, мне хотели её оттапать по лодыжку. Спасибо молодому хирургу. Он вопреки опытным врачам, чистил и чистил мою ногу, чем-то смазывал её, пока не прошла опасность гангрены. Два месяца я ремонтировался, потом к себе – в часть. Язва зарубцевалась, когда в наступление пошли. Ничем не лечился, некогда было думать о болячках. Господь помог моему молодому организму.

- Станислав Васильевич, хочу вам рассказать о том, что я испытал во время операции. Не могу понять, что это было?

И Крымов коротко рассказал и о ярко сияющем кресте, увиденного им на дне подвала, и о полёте в туннеле к притягательному свету в конце его.

Отец Никанор живо отреагировал на это:

- Ничего нового! За время моей пастырской службы я не раз слышал от прихожан и от людей, далёких от церкви, подобное, и каждый раз мне они рассказывали о необыкновенном свете в конце туннеля. Все они летели к нему, слов-

но бабочки из ночи. Это не действие наркоза во время операции, поскольку и без наркоза люди испытывали это же. Мало того, на протяжении многих веков к служителям церкви разных стран обращались люди с таким же вопросом: «Как понимать?» или «Что это было?». Не знаю ответы других пастырей, я отвечал всем одинаково: «Вы получили личное послание и попытайтесь сами на него ответить». Вот и всё. Иными словами, извольте сами потрудиться - такая моя позиция. Станные вы люди, неверующие и маловерующие. Ведь всё давно сказано и пересказано. Откройте Евангелие и читайте, и если какой-либо текст вам труден для понимания, то обращайтесь к священнику для разъяснения.

- То есть, вы хотите сказать, Станислав Васильевич, что я – человек ленивого ума, а для вас этот вопрос – яснее ясного? – промолвил разочарованно Крымов.

- Не обижайтесь, пожалуйста, на мои слова. Есть люди не только ленивого ума, но и развращённые умом от избытка знаний. Им кажется, что полученные знания обоснованы наукой, и поэтому они истинные, в чём глубоко ошибаются. Что происходит в мире? Секуляризация - полный отказ от христианского понимания действительности. Взяла верх тенденция, при которой человек становится мерилем самого себя, а образ Христа отброшен за ненадобностью. Россия ещё держится, но и она готова последовать за так называемым цивилизованным миром...

- Об этом цивилизованном мире, – не утерпел сказать Крымов, – Лев Николаевич Толстой очень хорошо написал в своём дневнике: «Если русский народ – нецивилизованные варвары, то у нас есть будущее. Западные же народы – цивилизованные варвары и им уже нечего ждать». Вчера, кстати, читал его дневники.

- В этом он не ошибся. Великого ума был человек, хотя и путался в религиозных вопросах, пересматривал выстраданное наследие отцов Церкви. Можно сказать, граф искренно и честно заблуждался. Однако, как хорошо пригвоздил Запад – «цивилизованные варвары!» Лучше не скажешь. Ладно, я продолжу свою мысль.

Господь предвидел появление людей ни во что не верящих. Знал, что и после распятия не поверят, что Он является Богом, именно поэтому ещё до казни поднялся с тремя своими учениками на вершину Фаворской горы. Вы слышали о Преображении Господнем, Николай Михайлович?

- Конечно! Есть такой церковный праздник

... Слышать то слышал, да о сути его поленился узнать.

- Вот-вот, пронял я вас, таки. Преображение Господа – это ответ на ваш вопрос: «Что это было?» Так вот, Христос из 12 апостолов выбрал трёх: Петра, Иоанна и Иакова. Выбор не случайный. Они были носителями трёх главных христианских добродетелей: веры, любви и смирения. Пётр отличался ревностной верой, Иоанн – искренней любовью, за что его даже прозывали «апостолом любви». Иаков же, из всех апостолов – самый кроткий, незаметный, смиренный.

Надо понимать, что само восхождение на гору Фавор, это прообраз восхождения на небо, в девятое царство небесное. Апостолы привыкли видеть своего Учителя человеком во плоти. На вершине Фавора он преобразился – предстал перед ними во всей полноте – Весь светился неизъяснимым светом. Увидев Господа преображённым, да ещё в присутствии Моисея и Илию, апостолы на время лишились чувств. Проще говоря, – упали в обморок. Настолько это было необыкновенно и не поддавалось разуму. Когда ученики пришли в себя, они ещё более удивились, когда на вершину горы спустилось светлое облако, и услышали голос с неба: «Сей есть

Сын Мой Возлюбленный о Немже благоволих: Того послушайте». Эти слова были предназначены только им. Небо сошло на них, и получается, что апостолы были на небе.

Понимаете, Николай Михайлович, в чём смысл Преображения? – Господь, прежде чем перейти из одной жизни в другую, показал, что Он Сын Божий, и мир, какой видели три Его ученика на Фаворе, есть на небе. Божий мир – это небесный Фавор, и войти в него можно только на добродетелях: на вере, любви и смирении. Теперь вы быстрее найдёте ответ на свой вопрос.

Закончив разговор, отец Никанор погладил белого пушистого котёнка, неожиданно спрыгнувшего с яблони ему на колени.

- Приблудный? – поинтересовался Крымов, кивнув на игрунка.

- Нет, его недавно ваш сын принёс. Я как-то спросил его: «Федя, не видел ли ты моего котика? – пропал где-то». А он мне: «Батюшка, пропажа – дело обычное, у моего друга шесть голубей не вернулось, зато кошка окатила столько же котят, не знает, куда их девать, а топить жалко». Зачем же топить? – говорю – приноси, которого выберешь.

Смотрю, – несёт. Игривый котик, – шалун!

